

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В 1941 – 1945 гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ГАРФ)

А. А. Пасс

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. pass_andrey@mail.ru

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00185**

На основе изучения документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, охарактеризованы преступления экономической направленности, которые совершались в СССР в годы Великой Отечественной войны. Представлены материалы следующих наркоматов: Внутренних дел, Государственного контроля, Юстиции, а также Прокуратуры и Верховного суда. Произведена их классификация по происхождению, видам, степени информативности. Большинство источников отнесено к нарративным и статистическим. С опорой на отчетные данные силовых и судебных ведомств показаны основные этапы выявления, расследования и пресечения хищений, спекуляции и взяточничества. Сделан вывод о том, что имеющиеся свидетельства рисуют объективную картину криминализации управленческой, хозяйственной и социальной сфер в милитаризованном советском социуме и дают возможность в общих чертах оценить эффективность усилий, предпринимавшихся властями для стабилизации обстановки. Объединенные в комплекс, они позволяют предпринять масштабное монографическое исследование по теме.

Ключевые слова: *архивные документы, СССР, РСФСР, Великая Отечественная война, экономическая преступность.*

Изучение экономической преступности, имевшей место в Советском Союзе на протяжении военных лет, ее видов, масштаба, предпосылок, а также способов нейтрализации последствий из-за цензурных запретов и недостаточности источниковой базы долгое время сводилось к описанию отдельных негативных фактов. Последние трактовались как несвойственные социалистическому строю девиации, своевременно пресекаемые общественностью и спецслужбами.

Сегодня жесткий партийный контроль, идеологические клише и опасение дискредитировать первое в мире государство рабочих и крестьян ушли в прошлое. Современные исследователи получили доступ к документам, совсем недавно носившими гриф «секретно». Они свободно формулируют и излагают свое мнение, основанное, в том числе, на знакомстве с трудами и методологическими наработками зарубежных коллег [Твердюкова: 2011].

Однако сомнения по поводу репрезентативности архивных данных, непосредственно относящихся к заявленной теме, у научного сообщества остались, и это по-прежнему мешает формированию объективного взгляда на социальные процессы в стране, сумевшей победить гитлеровскую Германию. Так, А. В. Пыжиков и В. И. Скоробогадова уверены в антиконституционности сталинской правоохранительной системы образ-

ца 1930-х – 1950-х гг., из-за чего к официальной статистике, отражавшей параметры и специфику преступности (включая экономическую), якобы нельзя относиться с доверием [Пыжиков: С. 4]. Е. Ю. Зубкова и А. И. Куприянов, напротив, предложили не бояться привлекать эти виды источников, поскольку даже простая фиксация делитов судебно-следственными органами позволяет реконструировать и сами нормы (юридические и моральные), и политику властей в отношении их поддержания и соблюдения [Зубкова: С. 18, 19]. Наша гипотеза состоит в том, что объем и качество материалов, которые отложились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) вполне позволяет предпринять целевое исследование. В подтверждение данного тезиса охарактеризуем наиболее информативные из них.

В фонде 9415 Главного управления милиции Министерства внутренних дел СССР тщательного изучения заслуживают доклады начальника Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) Главного управления милиции НКВД СССР В. Я. Громилова за 1940 – 1945 гг., где с опорой на текущую нормативную базу показаны усилия специализированных подразделений по пресечению хозяйственных преступлений в стране¹. В тексте подробно излагаются соображения о причинах, динамике,

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 89, 91, 92, 93.

направленности и методах совершения указанных правонарушений. Дана статистика по кадровым работникам, завербованным осведомителям и агентам, объектам наблюдения в отраслевом разрезе, арестованным злоумышленникам и изъятым у них ценностям. Особое место отведено состоянию и качеству следственных действий: приведены цифры возбужденных, прекращенных, возвращенных на доследование дел, а также вынесенных обвинительных и оправдательных приговоров по соответствующим статьям УК РСФСР и Закону от 7 августа 1932 г.¹ В резюмирующей части намечены задачи по улучшению работы ОБХСС. Сведения о проблемах, с которыми сталкивались стражи закона при выполнении директив вышестоящих инстанций, и вариантах их решения можно почерпнуть из внутреннего документооборота. За подписью Громилова всем сотрудникам аппарата, включая областные подразделения, рассылались сообщения об итогах спецопераций. Одну из них по снятию натуральных остатков на базах и холодильниках пищевой, рыбной, мясо-молочной промышленности и торгов провели в 1943 г. Было охвачено почти полторы тысячи объектов. Общее число зафиксированных недостатков продуктов приближалось к 1300 т. Послание сопровождалось классификацией наиболее распространенных разновидностей жульничества. Рекомендовалось для профилактики организовывать такие проверки повсеместно².

Аналогичные документы готовили начальники отделений ОБХСС ГУМ НКВД. В январе 1944 г. завершилось обобщение результатов рейдов по 480 отделам рабочего снабжения. Было обнаружено завышение обслуживаемого контингента на 134232 человека, что привело к перерасходу фондируемого продовольствия на 610 т. Проверялись также колхозы, машинно-тракторные станции, заготовительные пункты. Все меморандумы снабжались описанием типичных приемов, используемых с целью присвоения государственных средств³. Практическая и методическая значимость подобной аналитики убеждает в ее непредвзятости и отсутствии попыток «лакировки» действительности.

В записке начальника милиции ГУ НКВД СССР Галкина заместителю наркома НКВД Круглову, датированной 18 апреля 1944 г., повеству-

ется о ходе реализации постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» Для обуздания воров и казнокрадов предлагались неординарные шаги: от введения на базах Заготзерно, элеваторах, мельницах и совхозах института комендантов, ответственных за сохранность продукции⁴, до распространения практики взыскания причиненного ущерба в многократном размере на мелких «несунов» и на руководителей, по распоряжению которых растаскивались товары. Рассматривалась перспектива передачи карточных и контрольно-учетных бюро, занимавшихся распределением «кормовых бумаг» среди населения, от Наркомторга Госбанку с тем, чтобы внедрить процедуру их инкассации подобно денежной выручке в магазинах. Высказывалась идея проводить не выборочное, а сплошное взвешивание вагонов с хлебом при погрузке и выгрузке на железнодорожном и водном транспорте⁵. Хотя большинство нововведений не было принято из-за роста социальных издержек в условиях войны, высших офицеров милиции нельзя считать только послушными исполнителями рутинных инструкций. Очевидно, что они стремились проявлять и инициативу, и профессиональную выучку.

Индикатором складывающейся оперативной обстановки выступали приказы по НКВД. Немалая их часть касалась проступков несовершеннолетних⁶. Это однозначно говорит о распространенности феномена ювенальной преступности в годы лихолетья. Вместе с тем, руководство призывало подчиненных в каждом случае тщательно взвешивать все обстоятельства, воздерживаться от карательного уклона и чаще прибегать к такой мере пресечения, как личное поручительство взрослых: родственников, знакомых, учителей. Иными словами, рекомендовался индивидуальный подход, поскольку существовало понимание, что места лишения свободы не сделают подrostков лучше.

К уникальным источникам того времени относятся ориентировки, которые поступали из Москвы в республиканские, краевые и областные управления внутренних дел. В них накопленный опыт борьбы с преступным элементом облекался в доступную для восприятия и тиражирования

¹ Под него попадали умышленные, групповые и неоднократные кражи государственного и общественного имущества, независимо от их размера. Санкция предусматривала 10 и более лет лишения свободы вплоть до расстрела. (Прим. А. П.).

² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 132 – 134.

³ Там же. Л. 139 – 141, 156, 154.

⁴ Эта должность существовала в первой половине 1930-х гг., но по завершению коллективизации была упразднена. (Прим. – А. П.).

⁵ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 128 – 131.

⁶ См., например, приказ зам. наркома НКВД Круглова за № 0267 «Об улучшении следственной работы в органах милиции». Там же. Л. 152.

форму. Скажем, в июне 1943 г. по столице прокатилась кампания по противодействию спекуляции. Она показала, как объединенные в группы перекупщики поддерживали контакты с администрацией городских рынков и производителями ширпотреба. За наиболее подозрительными установили круглосуточную слежку, чтобы узнать об их образе жизни. Выяснилось, что многие осуществляли траты, в десятки раз превышавшие официальный заработок. Был также установлен механизм заключения теневых сделок между крупными воротилами, которые маскировались под обыкновенных покупателей и продавцов. После предъявления «компромата» некоторых завербовали. Подробно описывалось, как именно это происходило. Оперативным работникам на периферии советовали поступать так же, обещали помощь специалистами, причем курганскому и чкаловскому (оренбургскому) ОБХСС, ощущавшим острый недостаток кадров, ее действительно оказали¹. Объединенные в комплекс, материалы НКВД рисуют общую картину криминализации экономической сферы в милитаризованном советском социуме и дают возможность в общих чертах оценить эффективность усилий, предпринимавшихся для стабилизации обстановки.

Некоторый интерес в свете избранной темы вызывает и фонд 9413 – Тюремный отдел Министерства внутренних дел СССР. Здесь хранится докладная записка комиссара госбезопасности Никольского о работе тюремного управления НКВД СССР за 3 года Отечественной войны, адресованная наркомун внутренних дел Л. П. Берии. Из нее можно узнать, что случаи кражи государственного имущества и взяточничества встречались также и в пенитенциарной системе. К августу 1944 г. за эти преступления были осуждены 464 сотрудника².

База данных об экономической преступности военной поры будет неполной без учета результатов деятельности профильных учреждений, осуществлявших контроль. В фонде 8131 аккумулярованы сведения о деятельности Прокуратуры СССР. К сожалению, проблематика периода войны присутствует в нем фрагментарно. В частности, удалось отыскать обращение союзного наркома юстиции Н. М. Рычкова, датированное декабрем 1944 г., к заместителю председателя Совнаркома В. М. Молотову с претензией в адрес высшего надзорного органа, который не уделял должного внимания борьбе с обмериванием, обвешиванием и обсчетом потребителей. В итоге

поступление в суды этой категории дел по сравнению с мирным временем сократилось в 5 раз, и заводились они, в основном, по жалобам и заявлениям общественности³. Есть протокол совещания от 21 апреля 1944 г. при Прокуроре СССР с указанием следователям «более осторожно» привлекать к уголовной ответственности за хозяйственные правонарушения председателей колхозов⁴. Эпизодически встречаются распоряжения и докладные о проведении рейдов в промышленных наркоматах и главках, а также в отделах соцобеспечения и на почте на предмет разбазаривания социалистической собственности, защиты имущественных прав семей военнослужащих, сохранности денежных переводов⁵.

Напротив, фонд 461, где собраны данные по российской Прокуратуре, отличается относительной полнотой и насыщенностью. Прежде всего, заслуживают упоминания отчеты об инспекционных поездках сотрудников республиканского ведомства в регионы. Очередная такая командировка в г. Челябинск состоялась в марте 1944 г. Выполнение постановления ГКО от 22 января 1943 г. южноуральской прокуратурой проверял сам Прокурор РСФСР А. А. Волин. Среди упущений в ее работе отмечалось небрежное отношение к установлению суммы ущерба от воровства государственной и кооперативной собственности, низкий процент обеспечения взысканий по искам, нарушение сроков расследования. Неудовлетворительно был поставлен контроль за ревизионной деятельностью в системах облторгинспекции, облторготдела, облпотребсоюза. Отмечалось, что явно незаконные решения исполкомов о выдаче карточек взамен утерянных или лицам, не имеющим на них права, не опротестовывались. Оставались в силе и распоряжения о продаже городскими властями нормируемых продуктов по коммерческой цене.

Имело место превышение полномочий следователей, которые исполняли не свойственные им обязанности, вплоть до контроля за снегозадержанием и вывозом удобрений на поля. Вместе с тем, по спекуляции и хищениям они вели всего 10 % всех дел. Остальное доставалось милиции. При этом наблюдались случаи волокиты, когда арестованным по Закону от 7 августа 1932 г. несколько месяцев не предъявляли обвинения.

В особую таблицу помещена статистика о противодействии экономическим преступлениям. Таковых в течение апреля – декабря 1943 г.

³ Там же. Оп. 22. Д. 4. Л. 252-254.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 66 – 69.

⁵ Там же. Д. 101. Л. 20, 21; Д. 102. Л. 3 – 66; Д. 103. Л. 2, 95, 96.

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 167 – 171.

² Там же. Д. 9413. Л. 249.

челябинская областная прокуратура раскрыла 748, из них около 2/3 – в сельской местности. Характерно, что 10 % дел либо прекращались, либо возвращались судом на доследование из-за недостаточности улик и процессуальных нарушений, и этот показатель демонстрировал тенденцию к росту. В каждом втором случае нарушался установленный 15-дневный срок расследования. Обыски проводились только у половины подозреваемых, а такая мера пресечения как содержание под стражей применялась лишь в отношении каждого третьего, что не могло считаться нормальным, учитывая нанесенный ущерб. Последний, кстати, реально возмещался всего в размере 2 %. Подталкивает к размышлениям количество посаженных в тюрьму председателей колхозов. За один 1943 г. их оказалось свыше 100 человек. В целом А. А. Волин оказался не очень доволен тем, как областной надзорный орган способствовал выполнению постановления ГКО от 22 января 1943 г. и рекомендовал ему при вскрытии разного рода афер более тесно взаимодействовать с местным отделением Главного управления госторгинспекции¹.

Значимым с точки зрения историка представляется доклад заместителя Прокурора РСФСР А. А. Болдырева за 1944 г. о борьбе его ведомства с растратами и хищениями социалистической собственности, где обращалось внимание на проверку отказов в уголовном преследовании. Зачастую она длилась не отведенные для этого 5 дней, достаточных для анализа собранной доказательной базы, а 1 – 3 месяца, на протяжении которых допрашивались новые свидетели, проводились повторные экспертизы, что давало шанс казнокрадам замести следы и скрыться. По-прежнему «больными» темами являлось нарушение установленного 15 дневного срока следствия, его качество (суды и трибуналы возвращали до 5, 5 % возбужденных дел), трудности с определением и возмещением причиненного вреда.

Поскольку прокуратура выступала стороной обвинения, за мерило ее компетентности принималась тяжесть назначенного подсудимым наказания. Если вести речь о прецедентах, связанных с применением Закона от 7 августа 1932 г., то здесь «мягких» приговоров быть просто не могло. А вот по самой распространенной 162 статье УК, предусматривавшей до 5 лет лагерей за хищения из складов и хранилищ, почти половина осужденных приговаривалась к условным срокам и к исправительным работам по месту жительства с удержанием части заработка. Вероятно, это происходило потому, что рай- (гор)прокуроры ред-

ко участвовали в судебных заседаниях лично, а судьи и народные заседатели снисходительно относились к тем, кто привлекался впервые, имел на попечении иждивенцев или состоял в близком родстве с военнослужащими.

В докладе охарактеризованы способы воровства выпечки с хлебозаводов. Вывезти продукцию можно было исключительно через весовую, где персонал меняли чуть ли не ежедневно во избежание сговора. Поэтому придумывались изощренные ходы. Например, при въезде на предприятие сообщники злоумышленников прятались за поддонами в пустом автофургоне или под его днище укладывались холостые артиллерийские снаряды. После взвешивания люди вылезали, балласт выбрасывался, и машина облегалась. Разницу в весе затем компенсировали неучтенным хлебом. За один рейс недобросовестные экспедиторы «прикарманивали» до полутора центнеров дефицитного продукта².

Одна из ключевых функций прокуратуры РСФСР заключалась в вынесении протестов на незаконные приговоры. К примеру, в марте 1944 г. начальник уголовно-следственного отдела Бордонов и прокурор уголовно-судебного отдела Рабинович уведомили республиканского прокурора А. А. Волина о кассационной практике Верховного Суда РСФСР по делам, связанным с хищением и разбазариванием товарных фондов, а также со злоупотреблениями карточками.

Материалы в высшую судебную инстанцию поступали двумя путями: по жалобам осужденных и представлениям, подаваемым прокурорами. Первые обычно выражали недовольство слишком суровыми санкциями, вторые – напротив, настаивали на их ужесточении. В 1943 г. из Челябинской области на рассмотрение в Москву пришли документы на 108 человек, из них в отношении 23-х (21%) мера пресечения была изменена³. В целом же по России за октябрь и ноябрь 1943 г. из 19-ти приговоренных к расстрелу по Закону от 7 августа 1932 г. казнили одного, 17-ти сочли допустимым сохранить жизнь, а одного и вовсе освободили⁴. Отмена (смягчение) приговора, возвращение дела на доследование или оправдательный вердикт Верховного Суда в соответствии с установкой тех лет однозначно указывали на недосмотр местных надзорных органов.

В фондах 9492 и 353 доступна информация о соблюдении в военное время «Закона о судоустройстве» от 16 августа 1938 г. центральными

² Там же. Д. 417. Л. 89 – 111, 127.

³ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 703. Л. 42 – 50.

⁴ Там же. Д. 438. Л. 66.

¹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 414. Л. 1 – 31.

и региональными подразделениями Наркоматов юстиции СССР и РСФСР. Их регулярные контакты по поводу плановых ревизий судов и адвокатуры предоставляли возможность увидеть самые разнообразные правовые коллизии. Так, в мае 1944 г. уполномоченный республиканского НКЮ по Челябинской области Ф. Л. Токарев сообщил заместителю народного комиссара страны Е. Л. Зейдину о проверке деятельности народного судьи 4-го участка г. Копейска Кузнецовой. Нарекания вызвало ее либеральное отношение к рабочим, совершившим незначительные кражи с производства. По закону им грозило тюремное заключение сроком 1 год, но эта санкция фигурировала только в 2-х делах из 11-ти рассмотренных. Мягкие приговоры (до 3-х лет) выносились также и матерым расхитителям. Кузнецовой было сделано соответствующее внушение¹.

Большое познавательное значение имеет распорядительная документация. Ведомственными приказами оформлялись результаты изучения работы областных, краевых и республиканских судов за время войны. В 1942 г. спецкомиссия побывала в Свердловске, Челябинске, Башкирской АССР. На Среднем Урале часто встречались ошибки, когда по статьям за спекуляцию и нарушение правил торговли осуждали людей, которые, спасаясь от голода, обменивали личные вещи на продукты питания. Зачастую не исполнялись решения о конфискации имущества по Закону от 7 августа 1932 г. и части 2 статьи 116 УК РСФСР (растрата)². В Башкирии необоснованно приговаривались в высшей мере наказания ранее не судимые мелкие воришки³. Челябинский областной суд в уголовных делах о хищении социалистической собственности не всегда удовлетворял бесспорные иски о возмещении причиненного ущерба, передавая их на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Отсутствовало требование к органам следствия об обязательном наложении предварительного ареста на ценные вещи и предметы обихода, принадлежавшие подозреваемым. Также не обобщалась судебная практика об участвовавших случаях разбазаривания зерна в местных колхозах и совхозах⁴.

Напряженный ритм жизни высших звеньев аппарата юстиции отражен в протоколах заседаний коллегий, на которых обсуждались вопросы борьбы со спекуляцией, взяточничеством, растратами. Юристов тревожило, что не выясня-

лись, как положено, нелегальные каналы поступления товаров на рынок, в перепродажи была втянута значительная часть инвалидов войны, а среди судейского корпуса отсутствовала единая трактовка ряда ключевых положений Уголовного кодекса. Говорилось о неудовлетворительной постановке исполнительных производств по взысканию украденных сумм. К концу войны стало больше случаев коррупции, причем нечистые на руку чиновники приговаривались, в основном, к исправительным работам по месту жительства без лишения свободы⁵.

В фонде 8300 Министерства государственно-го контроля СССР хранятся отчеты столичных инспекторов о поездках в регионы и объяснительные, в которых представители различных организаций отвечали на полученные замечания и предписания. В частности, в марте 1945 г. на имя союзного наркома В. Ф. Попова был отправлен проект приказа о наложении взыскания на некоторых руководящих работников Челябинской областной конторы Заготзерно. Ее управляющему, члену ВКП(б) К. Н. Венцову инкриминировалось использование не по назначению 1039 т хлебопродуктов, а также искусственное завышение количества заготовленного пищевого зерна на 1572 т. Поскольку корыстных целей он не преследовал, за допущенные нарушения ему предлагалось объявить выговор.

Из текста можно понять, что неправомерные распоряжения отдавал заместитель управляющего по сбыту и тоже коммунист, П. А. Замулин. Последний произвольно манипулировал продовольственными фондами, отпускал их авансом без оплаты и без нарядов, подделывал бухгалтерские проводки. Близких родственников - жену, племянницу и свояченицу устроил под свое начало в отделы снабжения, сбыта и учета. Казалось бы, он заслуживал снятия с работы и отдачи под суд. Но некий покровитель придумал обтекаемую формулировку: «...в связи с напряженностью хлебных ресурсов в Челябинской области и трудностями в обеспечении населения, отстранение Замулина как специалиста ухудшит положение конторы...». Поэтому планировалось ограничиться строгим предупреждением «до следующего раза»⁶. Номенклатурная система подбора кадров на ключевые посты если и давала сбои, то их, при отсутствии строгих юридических доказательств злонамеренности начальствующих лиц, старались не афишировать, а сглаживать.

¹ Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 361. Л. 37, 38.

² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 16. Д. 40. Л. 87, 90.

³ Там же. Л. 108.

⁴ Там же. Л. 42 - 44.

⁵ Там же. Оп. 13. Д. 77. Л. 80; Д. 66. Л. 71 - 83; Д. 51. Л. 42 - 44.

⁶ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 95. Л. 122, 123.

Очевидно, что в данном случае обком ВКП(б), по согласованию с которым и была назначена администрация заготовительного предприятия, вступил за свою крестатуру.

Но иногда масштаб допущенных злоупотреблений оказывался настолько велик, что требовалось обращение к Прокурору СССР. Так, в августе 1944 г. проверка отдела рабочего снабжения Златоустовского металлургического завода вскрыла массовые хищения продуктов с участием дирекции предприятия. Для индивидуального обогащения существовало несколько путей. Основной заключался в составлении фиктивных списков лиц, находившихся на нормированном довольствии. Сформированные таким образом излишки присваивались. А чтобы местные надзорные инстанции не реагировали, их задабривали «праздничными пайками». Только в 1943 г. на эти цели незаконно израсходовали 1280 кг хлеба, 3515 кг мяса, 1066 кг сахара, 432 кг жиров и 104 кг крупы. Недостачи продуктов покрывались подложными актами их реализации «через кухню» или талонами на дополнительное питание, которое якобы получал персонал горячих цехов. Перечисление прочих криминальных деяний руководства заняло 4 машинописные страницы. Нанесенный убыток исчислялся суммой в сотни тысяч рублей по государственным ценам. Виновные в полном составе были привлечены к уголовной ответственности¹.

Противостоять хитроумным комбинациям мошенников и казнокрадов помогала специальная подготовка. Для того чтобы поднять ее на должный уровень, распространялись брошюры «В помощь контролеру» с грифом «Для служебного пользования». В одной из них рассказывалось о главном бухгалтере завода, который воспроизводил подпись директора в счетах на оплату, поступившие товары продавал, а деньги присваивал. В другой анализировались данные ревизий территориальных управлений Главнефтеснаба, которые показывали как горючее, якобы отпущенное машинно-тракторным станциям, получали подставные юридические и физические лица².

Очень содержательны докладные о проведении фронтальных обследований торгующих организаций. В марте - апреле 1944 г. ими был охвачен Челябинский горторг. В итоговом отчете старшего контролера Л.А. Фальковича претензии касались: 1) существенного завышения контингентов, находящихся на централизованном снабжении, особенно по детским домам, санаториям

и больницам; 2) запутанности учета в хлебопекающих организациях; 3) нарушений порядка расходования рыночных фондов муки, крупы, картофеля и фуража; 4) регулярной продажи «Гастрономторгом» (с разрешения Обкома и Облисполкома) лимитированного продовольствия по коммерческим ценам, несмотря на напряженное положение с отовариванием карточек; 5) распространенности недостач и хищений в местных контрольно-учетных бюро; 6) обвешивания и обмеривания потребителей в городском тресте столовых. Однако далеко не все виновные понесли наказание. Лишь директору Челябинской областной конторы Главгастронома Н.Г. Свиридову объявили выговор, а заведующую магазином № 7 Буринскую И. С. оштрафовали на 1 тыс. руб.³

Любопытные свидетельства имеются в фонде 339 (Министерство Госконтроля РСФСР). В частности, дело 499 содержит переписку о неправильном расходовании денежных средств и продуктов Челябинским облисполкомом в период с октября 1942 по ноябрь 1943 гг.⁴ Все началось с письма сотрудницы ведомственной столовой Роговцевой Р. А. заместителю наркома Госконтроля СССР Розалии Самойловне Землячке. В нем приводились примеры устройства партийными и советскими органами пышных банкетов за счет местного бюджета. Обращение было передано в Наркомат Госконтроля РСФСР. Произведенное расследование подтвердило изложенную информацию. Несмотря на то, что государство потерпело ущерб на сумму около 50 тыс. руб. виновные – исполняющий обязанности председателя Челябинского горисполкома Павлов и заместитель заведующего облторготделом Столбоушкин отделались выговорами, которые с них вскоре сняли. Представленная подборка позволяет не только реконструировать «тонкости» в злоупотреблении служебным положением, но и понять, какие бюрократические приемы использовались для того, чтобы избежать ответственности.

Там же содержатся подробные данные о ревизиях предприятий разной отраслевой принадлежности. Например, в Троицком шорно-фурнитурном комбинате (Челябинская область) в марте 1942 г. удалось выявить незаконные действия заводской администрации, выразившиеся в систематической продаже готовых изделий на сторону за наличный расчет. Чтобы покрыть недостачу фальсифицировались накладные на сотни тысяч рублей. Среди клиентов, кроме неких граждан, числились райвоенкомат, санинспекция, Кыш-

¹ Там же. Оп. 18. Д. 36. Л. 134.

² ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 2. Д. 116, 116.

³ Там же. Оп. 22. Д. 63. Л. 92 – 103.

⁴ Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 – 29.

тымский райисполком, городское управление НКВД. В наказание директора пожурили, а главного бухгалтера уволили¹.

В июне – июле 1943 г. вскрылась убыль остродефицитных товаров и медикаментов в Челябинском областном аптечном управлении. Его глава Тебайкин в течение полугода разрешал «неустановленным лицам» брать со склада сотни килограммов манной крупы, риса, спирта, сахара, соли, мыла, керосина и проч. Прощтрафившийся начальник лишился должности².

Совокупность отчетных документов показывает, что практически каждое контрольное мероприятие, независимо от характера проведения (внезапно по сигналу или в плановом режиме), заканчивалось разоблачением нелегальных схем и махинаций с вверенными ценностями, в которых принимали участие местные начальники. Хищения обнаруживались на хлебозаводах, в промысловой и потребительской кооперации, эвакуационных пунктах, госпиталях, детских садах и т. д.³ Однако упоминания о передаче компрометирующих материалов в судебно-следственные органы встречаются редко. По-видимому, задача инспекторов в экстремальных условиях войны заключалась в другом: обратить внимание правительства на типичные сбои и нарушения в функционировании хозяйственного механизма с тем, чтобы, во-первых, попробовать устранить их без уголовной репрессии; и, во-вторых, инициировать соответствующие кампании по наведению порядка в рамках конкретных ведомств.

Сведения об организации, характере и степени объективности сталинской юриспруденции в годы войны, в том числе в экономической сфере, можно почерпнуть в анналах Верховного Суда РСФСР. К примеру, там собраны разнообразные материалы, которые отражают борьбу со взяточничеством в судах⁴, хищениями денежных средств в отделениях Госбанка⁵, кражами сырья в системе «Союзутиль»⁶ и т. п.

Показательно весьма сложное с процессуальной точки зрения дело о срыве хлебопоставок колхозами Чкаловской области осенью 1941 г. вследствие гибели на корню около 10 млн. центнеров пшеницы⁷. Местные руководители ссылались на дождливую погоду, позднее созревание зерновых, их зараженность листовой ржавчиной, перебои с

горючим и мобилизацию лучших специалистов в армию. По утверждению Прокуратуры СССР причины крылись в нарушении директив ЦК ВКП(б), Совнаркома и формально-бюрократическом стиле управления, повлекшим за собой дезорганизацию уборочной кампании и очковтирательство. В обоснование приводились такие цифры: к 1 ноября было намолочено 11 718 440 ц, а сдано государству 5 004 610 ц вместо положенных 9 664 300 ц, что составило 51,9 % плана.

Произведенная московскими следователями Ефимочкиным, Фридом и Скриповым проверка выявила «разбазаривание» урожая, который распределялся на трудодни сверх разрешенных авансовых платежей в размере 15 %, ссужался на сторону, шел на семена для озимых и на корм скоту. За подобную антигосударственную практику районные прокуроры пытались привлекать председателей колхозов к ответственности, но встречали противодействие райкомов партии и райисполкомов. Областная прокуратура сумела добиться ареста 30-ти руководителей сельхозартелей, но вынести частное определение в адрес их «заступников» не решилась, поскольку это означало бы открытый конфликт между ветвями власти. К концу декабря ситуация сложилась критическая: из 9498 зарегистрированных хозяйств колхозников, рабочих, служащих и единоличников 7729 к выполнению своих обязательств даже не приступали. Сельхозпроизводители, даже несмотря на угрозу уголовного наказания, предпочитали продавать хлеб на рынке по цене 1200 – 1250 руб. за центнер, тогда как госзаготконторы платили примерно в 100 раз меньше⁸.

Работники столичного надзорного ведомства захотели уточнить информацию о наличии во второй половине сентября – ноябре 1941 г. на Южном Урале обложных дождей и ранних снегопадов, и составили запрос в метеослужбу региона. Получив утвердительный ответ, они пришли к выводу о саботировании сушки зерна областной заготовительной организацией, тем более что деньги, отпущенные сельхозбанком на строительство сети зерносушилок, остались невостребованными. Имеющиеся же в райцентрах мощности использовались, в среднем, на 67 %. Узким местом стал недостаток транспорта. Для его расшивки рекомендовалось запрягать в телеги коров и быков, но необходимой оснастки заранее не запасли. Поэтому продовольствие оседало в глубинных пунктах, расположенных далеко от железнодорожных станций. Там оно постепенно портилось и расхищалось.

¹ ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 594. Л. 4 – 16.

² Там же. Д. 855. Л. 4.

³ Там же. Д. 867. Л. 6; Д. 1472. Л. 2 – 5;

⁴ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 73.

⁵ Там же. Д. 46.

⁶ Там же. Д. 51.

⁷ Там же. Д. 40.

⁸ Там же. Л. 4.

Полный драматизма сюжет расследования связан с применением комбайнов. В описываемое время они не были самоходными и буксировались тракторами¹. Первоначально для Чкаловской области утвердили план, согласно которому с их помощью надлежало убрать 1 882 000 га. Однако местное руководство, опасаясь острой нехватки горючего из-за начала военных действий, в целях экономии ориентировало сельский актив на широкое привлечение косарей, лобогреек² и директивно снизило задание механизаторам на 40 %. Против ожидания, правительственные лимиты на топливо не были урезаны. Но председателей колхозов об этом не уведомили, и заявки в МТС на выделение техники от них своевременно не поступили. Получилось так, что в начале страды, пока стояли погожие дни, созревающие хлеба срезали, в основном, вручную, с большими потерями. Потом погода испортилась, и вывести машины в поле стало в принципе невозможно. К тому же часть трактористов призвали в РККА, а новых подготовить не успели. В итоге под снег попало около 500 тыс. га нескошенных сельскохозяйственных культур³.

Надо особо отметить, что выводы следственной группы не были умозрительными или предвзятыми. Они базировались на заключении экспертов - агрономов Наркоматов совхозов СССР и РСФСР Куракина и Смиренского, экономистов Центрального и Чкаловского областного статистических управлений Ракитянского и Зимина,

¹ Один такой агрегат заменял сотни крестьян, поскольку мог обработать 2 га площади за час, обмолачивая и сортируя зерно (Прим. А. П.).

² Так называлась простейшая жатка на конной тяге (Прим. А. П.).

³ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 40. Л. 11.

разъяснениях председателя облисполкома Квасова, а также показаниях многочисленных свидетелей⁴. За грубые нарушения законодательных норм и халатность, которые повлекли причинение серьезного убытка казне, начальник Облзо Альтшуллер был приговорен к 5 годам лишения свободы, хотя обвинение первоначально настаивало на квалификации его деяний по Закону от 7 августа 1932 г.

Таким образом, даже беглое ознакомление с профильными фондами ГАРФ убеждает в достаточной фундированности избранной темы. Наличие разнообразных по происхождению, видам и содержанию документов открывает для вдумчивого, добросовестного исследователя перспективу написания серии научных статей или монографии. Среди приоритетных задач уместно назвать: 1) дефиницию и оценку результативности политики властей по обеспечению сохранности государственной собственности; 2) детализацию институтов военного времени, регламентировавших борьбу с экономической преступностью, воссоздание всего спектра методов противодействия ей, включая негласные; 3) сосредоточение на количественных, качественных и мотивационных параметрах как правоохранительной системы (контролирующих инстанций, органов НКВД, прокуратуры, суда, адвокатуры, пенитенциарных учреждений, общественных объединений, созданных для поддержания правопорядка), так и контингента лиц, привлеченных к ответственности; 4) изложение процессуальных аспектов знаковых уголовных дел, возбужденных против расхитителей; 5) воспроизведение процедуры принятия и исполнения судебных решений.

⁴ Там же. Д. 41. Л. 5 – 16.

Список литературы

1. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 3–22.
2. Пыжиков А.В., Скоробогатова В.И. Государственное строительство и правоохранительная система в СССР в 1953–1964 гг. М.: Институт молодежи, 1999. 127 с.
3. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920 – х – начало 1950 – х гг.): историко-правовой анализ». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.

Сведения об авторе

Пасс Андрей Аркадьевич, профессор кафедры политических наук и международных отношений, доктор исторических наук, Челябинский государственный университет.
pass_andrey@mail.ru

Magistra Vitae.

2019. No 2. P. 50–58.

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ECONOMIC CRIME IN THE USSR IN 1941 – 1945

A. A. Pass

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pass_andrey@mail.ru

Based on the study of documents stored in the State Archive of the Russian Federation, the article characterizes economic crimes that were committed in the USSR during the Great Patriotic War. The materials of the following people's commissariats are presented: Internal Affairs, State Audit Office, Justice, as well as the Prosecutor's Office and the Supreme Court. They are classified by origin, species and degree of information. Most sources are classified as narrative and statistical. Based on the reported data of law enforcement and judicial departments, the main stages of the identification, investigation and suppression of theft, speculation and bribery are shown. The study concludes that the available evidence paints an objective picture of the criminalization of administrative, economic and social spheres in a militarized Soviet society and makes it possible to assess broadly the effectiveness of the efforts undertaken by the authorities to stabilize the situation. United in a complex, they allow you to undertake a large-scale monographic study on the topic.

Keywords: *archival documents, USSR, RSFSR, World War II, economic crime.*

References

1. Zubkova E. Yu., Kupriyanov A. I. (1999) Mental'noe izmerenie istorii: poiski metoda [The mental dimension of history: the search for a method], in: *Rossiyskaya mental'nost': metody i problemy* [Russian mentality: methods and problems of study] Moscow. Pp. 3–22. (in Russ.).
2. Pyzhikov A. V., Skorobogatova V. I. (1999) *Gosudarstvennoe stroitel'stvo i pravooxranitel'naya sistema v SSSR v 1953 – 1964 gg.* [State building and law enforcement system in the USSR in 1953–1964]. Moscow: Institut molodezhi. 127 p. (in Russ.).
3. Tverdyukova E. D. (2011) *Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konecz 1920 – x – nachalo 1950 – x gg.): istoriko-pravovoj analiz.* [State regulation of trade in the USSR (late 1920s – early 1950s): historical and legal analysis]. St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU. 328 p. (in Russ.).